

Глава 2. Троянец

Тайлер Мун с юных лет знал, что умение производить благоприятное впечатление – залог успеха и гарантия влияния на окружающих. После окончания университета, в котором он не только овладел научной терминологией, но и завел массу знакомств с интересными и многообещающими людьми, ему без труда удалось занять кресло менеджера по персоналу в одной из лабораторий, находящихся под крышей военного ведомства. Там он очень быстро усвоил еще одну истину: если хочешь быть востребованным профессионалом, недостаточно одного лишь умения располагать к себе людей, нужно еще уметь им пользоваться – аккуратно, сохраняя в себе уважение к тем, с кем работаешь, но вместе с тем достаточно напористо и жестко, чтобы не оставлять им слишком большого пространства для маневра. Благодаря своему врожденному обаянию, уму и темпераменту Тайлеру хорошо удавалось лавировать между этими многовекторными требованиями, добиваясь отличных результатов там, где авторитарный напор или избыточная либеральность были обречены. В государственных верхах его высоко ценили, признавая, впрочем, что для настоящей политической карьеры его иммунитет к лицемерию все же недостаточно развит. Зато он был своим в мире ученых, прекрасно ориентировался в текущих научных вопросах и находился на короткой ноге со многими из авторитетов – несмотря на то, что давно уже забыл все, чему учился, превратившись в менеджера от науки.

Его находчивость, великолепная память на детали и умение находить сильные аргументы (качества, которыми невозможно овладеть на курсах по завоеванию друзей и PR-тренингах), без каких-либо НЛП-технологий позволили ему в считанные дни собрать дюжину специалистов из самых различных областей науки. Тайлера посетила хорошая идея: он понял, что для такой задачи ему нужны не ригидные мастодонты науки, убежденные седиными и закосневшие в почестях, а плодотворно мыслящие, смелые и способные на дерзкие эксперименты новаторы. Поэтому он сосредоточился на тех ученых, которые уже продемонстрировали творческие успехи, но еще не успели свить себе уютные гнезда из лавровых венков почестей, в какие седеющие орлы науки до конца своих дней откладывают непробиваемые яйца монографий.

При этом его профессионализм позволил уберечься от почти неизбежной в таких случаях огласки происшедшего. Каждый из докторов наук, оторванных от своих проектов, прервавших лекции в аудиториях университетов и даже вернувшихся из отпуска, был уверен, что ему просто предоставили возможность проявить свои таланты в срочном социально-филологическом исследовании, имеющем большую важность для государства. Некоторые из них участвовали в подобных проектах не в первый раз, поэтому у них не вызвали удивления ни спешка, ни масштаб мероприятия, ни сопутствующая им секретность предложенной работы.

Изучая список собранных лиц, Уинстон Кларк остался полностью доволен коллективом, который удалось собрать менеджеру – как минимум, в самом начале проект разворачивался по намеченному плану. Пару раз он даже подавил в себе возглас изумления, обнаружив в этом перечне фамилии людей, которых, как ему было известно, было очень трудно вырвать из рабочего графика. Советник редко позволял себе роскошь выражать эмоции, поэтому ограничился тем, что пожал Тайлеру руку.

– Сегодня утром прибыли последние, – сказал довольный менеджер, – все процедуры уже закончены, мы можем собрать их через час.

– Превосходно. Так и сделаем. Я сейчас захвачу еще кое-кого, и можно будет начинать.

Когда через час Уинстон зашел в конференц-зал, он обнаружил внутри полтора десятка людей самого разного возраста и вида – от облаченных в классические тройки благообразных джентльменов, до хипстерски выглядящих молодых бородачей. Некоторые из них, разбившись на небольшие группы,

беседовали друг с другом, остальные двигали стулья, располагая их полукругом около импровизированного пьедестала. Под ним суетился Тайлер, приветствуя знакомых, отвечая на задаваемые вопросы, раздавая негромкие указания и успевая при этом просматривать какие-то документы. Увидев советника, он помахал ему рукой.

Уинстон кивнул ему в ответ: можно начинать. Сам советник вместе со своим спутником, невысоким мужчиной лет шестидесяти в круглых очках, невыразительно одетым и с любопытством изучавшим окружающих, присели у самой стены, в тени портьера.

Тайлер отлично понимал разницу между двумя категориями людей, с которыми общался всю свою жизнь: между рациональными людьми науки, предпочитающими конкретику в формулировках, и политической бюрократией, избегающей её любой ценой. В данном случае следовало положиться на предпочтения первой группы, оставив за бортом преамбулы и протокольные разглагольствования. Поэтому он сразу перешел к делу. В заранее продуманных формулировках он лаконично изложил историю обнаружения странного рассказа. Причем, зная склонность своих подручных к созданию ситуативной терминологии, он заранее подготовил для них определение странному тексту, введя его в повествование под именем “троянец”. Дальнейшие события показали, что он не ошибся – термин оказался удачным и быстро прижился.

Оказалось, что некоторые из них уже слышали про текст, хотя непосредственно с ним еще не сталкивались – информационные волны общественной реакции опережали само событие. Впрочем, никто его всерьез не воспринимал, поэтому аудитория была в немалой степени удивлена, услышав, что их собрали здесь из-за этого рассказа. Впрочем, очень скоро их удивление исчезло, едва им были зачитаны первые официально зафиксированные симптомы. Глаза собравшихся загорелись, зал притих, внимательно прислушиваясь к тем сведениям, которые методично и не спеша излагал Тайлер.

– Эффект троянца не изучен ни количественно, ни качественно, мы не представляем ни в какой области лежит механизм его работы – при условии, что этот механизм вообще существует, ни возможные варианты его использования. Не исключено, что троянец не один, хотя аналогичные объекты пока больше нигде не обнаружены. Не исключено, что у него не единственный, а несколько слоев внушения, которые проявляются не сразу... Мы совершенно ничего не знаем о нем. Единственное, что для нас несомненно: если троянец на самом деле обладает таким функционалом, то перспективы, которые он открывает, переоценить невозможно... – во время своей речи Тайлер постоянно контролировал выражение лица советника, поэтому сразу понял, где риторику лучше закончить троеточием.

Мастерски задекорировав обрыв реплики глотком воды из стоящего рядом стакана, он продолжил:

– Кроме того, следует учитывать факт появления троянца в социальных сетях. Мы не знаем, какие последствия может вызвать усиление внимания к этому феномену – эта задача, скорее, для социологов и психологов, возможно, первоочередная. Помните, что пока мы здесь сидим, троянец продолжает распространяться по интернету, а все, на что мы пока способны – это наблюдать за процессом, фиксируя локальные вспышки эффектов его проявления. Он еще не привлекает большого внимания, но, вероятно, рано или поздно сработает порог реакции. К этому моменту мы должны быть готовы. И говоря “мы”, я подразумеваю – вас.

Менеджер сделал еще одну паузу – на этот раз естественную, вызванную тем, что он так и не смог придумать плавного перехода к следующему пункту. Но так или иначе, откладывать его уже было нельзя.

– Ситуация, в которой мы оказались, уникальна еще и тем, что для изучения троянца неизбежно ваше ознакомление с ним, – произнеся это, Тайлер внимательно осмотрел присутствующих – половина из них успела понять это раньше, у остальных эти слова вызвали эмоции, которых им скрыть не удалось.

Он поспешил добавить:

– Мы понимаем, что это означает... Но, в сущности, непосредственная работа с троянцем ничем не отличается от любого лабораторного исследования, или, скажем, полевого эксперимента. Те же самые риски. Скорее всего, то, что никто из вас непосредственно с ним еще не знаком, это даже лучше. К сожалению, природа феномена такова, что исследовать его возможно лишь “живую”. Это не означает, что вы будете единственными, кто составит статистическую выборку для анализа – с завтрашнего дня мы планируем подключение сотен добровольцев в качестве тест-объектов. Однако начать придется с себя.

Уинстон из своего угла внимательно смотрел за эмоциями людей – несмотря на то, что он наблюдал преимущественно одни затылки, ему было хорошо видно, что позы сидящих несколько окаменели, впрочем лишь на несколько секунд.

В это время Тайлер продолжал:

– Естественно, каждый из вас может отказаться. Более того – каждый, кто ощущает в себе хотя бы малейшие колебания, должен немедленно выйти из состава группы, потому, что присутствие на дальнейших минутах собрания будет означать принятие ряда серьезных обязательств, помимо подписки о неразглашении, которую вы уже дали сегодня утром.

Тайлер сделал паузу, спокойно глядя в зал, ничуть не сомневаясь в том, что все останутся на своих местах. Он хорошо помнил старую истину: дезертировать на виду у всех так же трудно, как и проявлять храбрость в полной неизвестности. Менеджер не первый год занимался своей работой и знал, что если бы он предупредил каждого из них тет-а-тет, кворум имел бы все шансы не состояться. Убедившись, что никто не осмелился подняться и выйти, он продолжил:

– Утром некоторые из вас удивились той медицинской проверке, через которую пришлось пройти сразу после регистрации. Увы, это не обычная формальность, в этот раз она полностью обоснована. Одного человека пришлось исключить из группы по причине того, что у медиков возникли сомнения в достаточной безопасности работы для его здоровья, – а вот это у Тайлера получился чистой воды экспромт. Он чувствовал, что этот оборот необходимо добавить для создания у присутствующих уверенности в том, что заказчика работы волнует не только результат, но и безопасность нанятых для его достижения людей. На самом деле ему было отлично известно, что медицинскую комиссию прошли абсолютно все претенденты – но почему бы не использовать этот оборот, если ни один из них не знает, сколько народа было приглашено изначально?

– Мы не знаем, какой вред может нанести чтение троянца, и вредит ли оно вообще, но лучше перестраховаться, чем недооценить угрозу. Кроме того, информация о ваших психофизиологических реакциях на стандартные раздражители будет в дальнейшем полезна вам же самим – когда вы будете анализировать те последствия, которые, возможно, обнаружатся после чтения троянца.

По незаметному знаку менеджера в зал вошли ассистенты и раздали каждому ученому по небольшому конверту.

– Я уже заканчиваю, – сказал Тайлер, – потом вы можете распечатать и ознакомиться с материалом в любой удобной для вас обстановке. В сущности, это обычный рассказ – его сюжет, формат и стилистика более подходят глянцевого женскому журналу, чем объекту научного исследования. Сидящие здесь лингвисты, психологи и филологи, без сомнения, скажут о нем намного больше. Мы с нетерпением будем ждать от них первых результатов. Сегодня мы собираться уже не будем – никто лучше вас самих не сможет построить наилучшую дорожную карту по изучению троянца. Но завтра мы рассчитываем получить от вас план работ.

Тонкий картонный конверт формата А5 был наглухо запечатан, достать его содержимое можно было лишь сорвав желтую полоску с предупреждающей надписью: *“Внимание, читая этот текст, вы*

принимаете на себя всю ответственность за последствия, любым образом проистекающие из факта ознакомления с ним". Внутри конверта находилось несколько сшитых степлером листов с текстом троянца. Заглавие у рассказа отсутствовало.

Вагон метро постепенно заполнялся людьми, и она уже не раз успела похвалить себя за то, что поспешила протиснуться дальше от дверей и занять освободившееся сиденье. Как обычно, ее взгляд остановился на зеркально черной поверхности окна, а мысли стали прыгать с одной на другую, как будто пытались уехать одновременно в нескольких противоположных направлениях. В окне отражалось какое-то объявление, висевшее сзади ее, прямо над головой. Она машинально попыталась его прочитать, но большую часть заголовка скрывала фигура рыхлой тетки, которая ворвалась в вагон через минуту после нее и теперь потела прямо перед ее носом, а остальные буквы, оставшиеся в поле зрения, не складывались ни во что узнаваемое. Какое-то время она, скосив глаза, рефлекторно пыталась угадать слово, вращая изображение каждой буквы в своей голове, но очень скоро оставила эти попытки – рыхлое тело напрочь перекрывало всю перспективу. Заметив ее движение, тетка с ненавистью засопела и попыталась поймать ее взгляд, вероятно с целью претендовать на место. “Ничего, постоишь!” – подумала она, отводя взгляд и пуская мысли по другой колее.

Она задумалась о нём, на встречу с которым наконец-то решила после долгой переписки по интернету. Сколько раз она представляла себе эту встречу, пытаясь угадать собственные ощущения от очного знакомства с ним, но еще больше беспокоясь о том, какое впечатление произведет сама. Больше всего ее волновало приближение момента, когда ее тщательно оберегаемые представления о нем должны будут уступить место реальным впечатлениям, когда ей уже не удастся удерживать его образ таким, каким он ей хотел казаться, а она хотела его видеть. Встреча в реальности своей беспощадной действительностью неизбежно раскроет карты обоим, сомнет их, заставляя рисовать новые или ретушировать исказившийся рисунок прежних. Она боялась этого столкновения с объективными фактами, ей не хотелось терять тот образ, который у нее сложился и был ей дорог, более того – она так же была уверена, что и он сейчас испытывал такие же страхи и волнения: какой окажется она в его восприятии, насколько сильно придется корректировать ту “её”, с которой он до этого общался, приводя в соответствие с той “ей”, которая приедет на встречу? Что её глаза обнаружат в его взгляде, когда он увидит её такой, какая она есть на самом деле? Или он продолжит видеть ту, которую хотел бы видеть, которую он создал в своем воображении, повинувшись своим желанием найти идеал? Может быть, те чувства, в которых он успел ей признаться, помогут ему в этом облагораживании реальности? Если да, то найдутся ли у нее такие же чувства по отношению к нему, чтобы уберечь себя от разочарования, неизбежного при столкновении с действительностью...

Черное оконное стекло было абсолютно пустым, однако, когда ей удавалось не останавливать взгляд на его зеркальной плоскости, он начинал проникать глубже – возвращаясь назад, к себе самой, и открывая в этой черноте то, чего в ней не было: невидимые ей с её места лица пассажиров, детали интерьера вагона, бликующие потолочные лампы... “И, все-таки, что же там написано за стеклом, точнее над моей головой? Не буду же я вставать, как дурочка, чтобы изучить это дурацкое объявление, а между тем мне почему-то интересно разобраться, что это за слово... Угроздило же эту клушу раскорячиться передо мной в своей дурацкой кофте с полинялой вышивкой!”

Тут её мысли опять приняли новое направление – она вспомнила, что задание дизайнера по курсам вышивки так и осталось невыполненным. Об этом ей уже третий день напоминала свернутая канва – очень красивая, со сложной и дорогой текстурой – она ее получила на курсах и до сих пор возила с собой, не вынимая из сумочки, чтобы не забыть о задании. Разумеется, как и у всякой женщины, её сумочка не ограничивалась одной лишь канвой – в ней содержалось множество самых

разнообразных предметов, но кроме канвы в ней ничего больше не было. Она опять отругала себя за то, что так и не удосужилась полистать каталог моделей, чтобы выбрать подходящий рисунок, как ей советовал преподаватель. Вечно ее мысли заняты посторонними вещами! Так и не научилась сосредотачивать голову исключительно на одной-единственной задаче. Как она завидовала тем своим подругам, чьи рассудочность и сдержанность позволяли четко определять цели, находить для них средства, придерживаться их, ни на минуту не забывая о том, чего они хотят... В общем – каталог она так и не изучила, а между тем к концу недели задание должно быть готовым. Впрочем, о канве ли ей думать сейчас, когда через десяток минут она встретится с ним? А тут еще эта тетка торчит перед глазами своим жирным задом... “Что там за буквы? Если перевернуть, то вроде как “В”, затем “О” и “М” – их зеркало передало без искажений – затем снова “В”... BOMB..? Это что еще за бомбежка – в качестве рекламы? Черт бы побрал эту задницу, как можно наедать себе такую фигуру!”

Но что она ощутит, если он окажется не тем, каким она его до сих пор представляла по переписке и видео-чатам? Ладно, это она как-то переживет – в мужчине главное не внешность, а то, как он выглядит... То есть, как его видят... Или как он себя ведет? То есть – как он себя показывает? Ну, ладно, не важно... Ах, да, ну конечно, главное – это отношение к ней! Но что, если он сам окажется разочарованным из-за того, что в своем представлении сложил образ, далекий от той, которая выйдет к нему из вагона? Хм... Тогда... Тогда главное для нас: что бы ни случилось – оставаться культурными людьми, я ему не покажу свое разочарование, он сам все поймет, и он мне ничего не покажет, потому, что я все пойму... Нет, стоп, так не должно, мне это совсем не нравится! Давай разберемся, что мне важнее: увидеть его таким, каким его видят остальные, или таким, каким он захочет быть для меня самой? Вот, умница, продолжай в том же духе... Если я буду видеть его таким, каким он хочет быть для той, которая хочет его видеть именно таким, то зачем мне то, каким его видят другие? Может, они тоже хотят его видеть другим... Пусть он будет самим собой, и я тоже буду самой собой, это ведь ни на что не влияет, тем более что быть собой очень просто: это перестать казаться... Или правильнее сказать – являться? Да какая разница, все эти слова только мусор один! В общем, если каждый из нас перестанет казаться, то каждый сможет увидеть именно то, что хочет обнаружить. Или выявить? А-ах, это рельсы такие неровные или у меня уже ноги дрожат от волнения? Когда уже я приеду, этот поезд еле тащится! Впрочем, нет, пусть лучше не спешит...

Ее глаза прыгали с зеркала окна на грузные телеса, обтянутые тканью с претенциозным узором, с них – на собственную сумочку, в которой аккуратно свернутой лежала канва для вышивки, затем опять на зеркало с непонятными буквами, которые казались совершенно неузнаваемыми, и, синхронно с этими саккадами, металась ее взволнованные мысли, словно лабораторные мыши, неустанно исследующие извилистые коридоры лабиринта, обнаруживая за каждым поворотом то тупик, то поворот в место, где они уже были раньше, продолжая тревожно обнюхивать немые перегородки в страстном желании обнаружить вместо них вожделенный приз...

Это уже начинало её утомлять – слишком много неизвестных переменных, каких-то посторонних вопросов, требующих решения: ожидание встречи, боязнь не справиться с задачей по вышивке, дразнящий фрагмент объявления в зеркале... Она на несколько секунд закрыла глаза, чтобы успокоиться, и заставила себя сосредоточиться на том, что все это – просто нервы и страхи, возникшие на фоне женских переживаний. Предлагала же подруга хлебнуть коньячка перед встречей! Ну, нет, справимся и без допинга! Скоро ей уже выходить, и когда она встанет, то увидит объявление под новым углом и сможет его прочитать. А еще через несколько минут встретится с ним и избавится от этой бесплодной рефлексии. Кем бы он ни оказался, это будет именно тот, кто ей нужен, потому, что она не может и не хочет допускать, чтобы все ее ожидания и долгие поиски увенчались очередным разочарованием. А не сегодня-завтра займемся этой канвой, причем обойдемся без каких-либо каталогов – на такой интересной фактуре можно довериться собственному вдохновению. Главное –

сделать первый стежок, а там уже просто следовать тому рисунку, который сам будет на ней проступать. Что же касается этого объявления, которое она никак не может распознать: будем считать, что его нет вообще, она не помнит ни одного случая, чтобы эти дурацкие рекламные наклейки в транспортных салонах хоть раз кому-тогодились... Разве что пару дней назад она видела рекламу какой-то энтомологической выставки, которая её привлекла красивыми фотографиями мотыльков – она ей запомнилась мотыльком шелкопряда – очаровательным в своей домашней мохнатости. К сожалению, ни дата, ни место её проведения в памяти не сохранились.

Следующая остановка была её. Она со спокойным снисхождением посмотрела на кофту перед собой, затем встала, поймав свободной рукой поручень. Как и ожидалось, обрадованная клуша тут же плюхнулась на ее место, открывая вид на окно, в котором теперь целиком отразилось все объявление. Протискиваясь к выходу, она успела прочесть его – сперва машинально пытаюсь разобрать буквы отражения, но затем, спохватившись, просто повернулась назад и посмотрела на ту стену, у которой только что сидела. *“Энтомологическая выставка приглашает всех желающих...”* – и дальше был квадратик кода для сканирования телефоном. У тетки, занявшей её место, в испуге вытянулось лицо, когда она быстрым движением выхватила телефон и направила его туда, где только что сидела сама. Она успела отсканировать реквизиты выставки как раз в тот момент, когда вагон остановился и двери раскрылись.

Увидев его на станции, она уже нисколько не сомневалась – ни в себе, ни в нем, ни в том, есть ли у него самого сомнения в чем-либо. Ей было достаточно того факта, что они встретились, сделав последний решающий шаг, и теперь можно забыть о каких-либо ранее построенных предположениях и даже о той реальности, которая была у каждого из них до этого момента – поскольку та их реальность лежала уже в плоскости совершенно иного опыта – в той, где они еще не были знакомы очно. Пришло время для новой.

Естественная неловкость первой встречи не продержалась и трех минут. Не успели они выйти со станции и направиться по набережной к парку, как оба уже оказались захвачены живым разговором, то и дело прерывающимся смехом и восклицаниями, в которых оба с радостью обнаруживали неподдельный интерес друг к другу. Судя по всему, ни один из них уже не задумывался о том, соответствует ли идущий рядом с ним тому образу, который у него сложился во время заочного общения, никто из них уже не вспоминал про это, потому, что молодость и жажда жизни позволяли обоим находить в собеседнике только то, что они хотели увидеть, то, что каждому было необходимо обнаружить в другом. И оба усиливали эти встречные интенции друг друга, отвечая на них и возвращая обратно, усиливая их и дополняя собственными модуляциями, и в результате возникало то, что лирики называют гармонией, а физики – резонансом.

Женские инстинктивные механизмы, отшлифованные миллионами лет эволюции полов, ничуть не отвлекая ее от наслаждения общением, открывали для неё его бессознательные сигналы – большая часть из которых была отражением её собственных сигналов, отправленных ему. Не было никакого сомнения, что он был полностью покорен – она видела это в каждом его жесте, в его взглядах, в походке и в речи, которая то сбивалась, то учащалась, выражая этим куда больше, чем он хотел сказать.

Оба не заметили, как углубились в парк, неторопливо хрустя гравием аллеи, по левой стороне которой сплеталась густыми кронами дикая шелковица, а с правой возвышались многолетние дубы, чьи мощные стволы были туго охвачены ярким бархатом зеленого мха. Под их кронами приютились кусты можжевельника, а чуть позади густые лианы обвивали хмельными орешками нуарный ясень.

В ее голове почему-то опять возникла мысль о выставке бабочек, и она подумала, что неплохо было бы посетить её вдвоем – вот только сперва надо все-таки закончить с канвой... А тем временем по обеим сторонам аллеи негромко шелестели ветки деревьев, играя отблесками солнца на глянце

листьев и бросая причудливые тени на структурированную густой хвоей стену леса – её восприятие удерживало этот антураж на границе сознания, периодически вплетая в ее мысли фрагменты этой постоянно меняющейся картины, эту вереницу метаморфоз светотени... Тут вдруг у неё промелькнула идея: “Великолепный арт, лучше его, наверное, текстуры и не найти!” – и тут же исчезла, уступив место иным, куда менее абстрактным образам.

Они свернули с аллеи на одну из тенистых тропинок, которые желтыми песчаными ответвлениями углублялись в чащу леса. Вокруг них в воздухе мягко шелестели желто-зеленые листья самых неожиданных форм и оттенков – медленно падая с деревьев, они опускались на корни деревьев и, скрывая их рельеф, прятались сами среди таких же опавших страниц лесного текста, незаметно лежащих друг на друге и неразличимых в общей картине леса, несмотря на то, что каждый из них являлся частью его образа.

Не сговариваясь, оба повернули туда, куда их вела тесная тропа, прижавшись друг к другу так, словно им недоставало лишь этого предлога для преодоления последнего рубежа. Его пальцы поймали ее руку, и она ответила жестом дрогнувшего согласия, от которого его ноги чуть не потеряли равновесие. Ни одна деталь не ускользала от её внимания, потому, что всё её внимание было сосредоточено исключительно на нем – который уже не мог быть никем иным, кроме как тем, кого она искала – воплощением ее ожиданий, ее собственным продолжением.

Тропинка вела дальше – в темноту сгущающихся крон, но они уже не нуждались ни в тени, ни освещении – оба одновременно остановились и повернулись друг к другу, смотря прямо в глаза и видя там отражение самих себя, растворяющихся в восприятии другого. Она слегка приподнялась на носках и положила руки ему на плечи, едва заметно привлекая его к себе. Замерев от неожиданности ее порыва, с головой окунувшийся в ее запах, он, помедлив мгновение, положил руки ей на талию, боясь проявить больше инициативы, чем она ему позволит. Но она, закрывая глаза, которые уже не могли сказать ей ничего больше того, что она и так уже знала, прижалась к его груди своей, передавая ему собственное дыхание и принимая в ответ учащающиеся вибрации его сердца.

Целую минуту они стояли, обнявшись так крепко, как позволяли им их силы, захваченные переживанием несравнимого ни с чем ощущения первого контакта, зная, что этот миг уже больше никогда не повторится, и мечтая лишь о том, чтобы продлить его как можно дольше... Продолжая прижиматься к нему, не раскрывая глаз и наслаждаясь биением его сердца, вошедшего в унисон с ее собственным, которое, казалось, готово было разорвать блузку, она правой рукой раскрыла за его спиной свою сумочку и достала из под канвы длинный тонкий стилет, блеснувший под полуденным солнцем трехгранным хромированным лезвием. Все так же не открывая глаз, она безошибочно нашла место под его левой лопаткой и одним быстрым и точным движением вонзила клинок ему в спину.

Он едва вздрогнул, но не убрал рук с ее талии, а лишь еще крепче прижал её к себе, склонивши голову к ее шее и сходя с ума от ее роскошных волос. Уже обе ее руки нежно, но уверенно направляли стилет, погружая его все глубже – она была всецело поглощена наслаждением, которое испытывала от этого движения, ее дыхание сбивалось от передающегося в ее ладонь ощущения того, как острие клинка преодолевает кожный эпителий, мышечную ткань, проникает в полость предсердия... Наконец, чуть отклонившись ребром, стилет встретил последнее тугое препятствие – острие пробило кожный покров его груди и выступило спереди, слегка уколос ее в собственный сосок, давно ожидавший этого момента и налившийся кровью – теперь уже не только ее, но и его собственной.

Ощувив этот укол, она чуть ослабила объятия и, пытаясь не потерять равновесие на подкашивающихся от возбуждения ногах, слегка отстранилась от него, чтобы перевести дыхание и справиться с нахлынувшими на нее эмоциями – но еще более для того, чтобы ему было удобно укрепить на ее шее тугой кожаный ошейник, инкрустированный вкраплениями драгметалла. Его движения были нежными, полными трепета и вместе с тем неловкими от свойственной молодости

неопытности, а также от сидевшего в его груди клинка, сковывающего его движения. Наконец, ему удалось закрепить ошейник и затянуть его так туго, что у нее перехватило дыхание, а из глаз выступили слезы счастья... Она зажмурилась и поцеловала его в губы...

Вскоро они нашли свою тропинку и вернулись по ней обратно на аллею. Оба шли, замкнувшись в восприятии друг друга, не замечая ничего вокруг себя, но не потому, что утратили способности видеть окружающий их мир – он не переставал существовать для них, однако в их понимании та значимость, которую представлял каждый из них, исключала какой-либо смысл в чем-либо ином. Они не обращали внимания на остальных людей, машинально, как ямы на дороге, обходя встречных прохожих и автоматически уступая дорогу обгоняющим их спортсменам... Ее правая ладонь снова была в его руке, а левой она придерживала сумочку, едва не забытую ею на поляне. Они строили нехитрые планы ближайшего будущего, делились замечаниями об ассоциативно возникающих в диалоге предметах, продолжая со свойственным первым часам знакомства ненасытным любопытством бросать взгляды друг на друга. Она не замечала того, как ее пальцы время от времени, без всякой необходимости, поправляют на плече ремешок сумочки, словно пользуясь возникающим при этом предлогом прикоснуться к соседствующему с ним тугому кожаному кольцу, под которым пульсировала налившаяся кровью артерия – ошейник так туго охватывал ее шею, что это заставляло ее дышать чаще, чем обычно. К его хромированной застежке был пристегнут поводок, который оканчивался в его правой руке.

Они все так же увлеченно разговаривали, он с жадностью ловил каждый ее взгляд, поворачиваясь к ней всей грудью, из которой органично выступало жало стилета, завораживающее ее своей красотой и завершенностью. Кровь на острие уже начала засыхать, покрывая лезвие ржавой патиной.

продолжение следует